

Ю. В. Подковырин

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры литературы и русского языка
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

«АЗБУКА» КУЗБАССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**В Кемерове вышла в свет хрестоматия
«Писатели Кузбасса. Проза, поэзия»**

Среди многочисленных ярких событий в литературной жизни Кузбасса прошедшего 2007 года выход в свет хрестоматии «Писатели Кузбасса. Проза, поэзия», предназначенной для внеклассного чтения в 5–11 классах школ Кемеровской области, стоит особняком. Впервые вниманию учеников и широкого круга читателей предлагаются собранные под одной обложкой лучшие произведения кузбасских мастеров художественного слова.

Значимость данного издания для литературного образования нашей области трудно не оценить. Изучение литературы в школе предполагает не только обращение к опыту мировой и отечественной классики, но и погружение в региональный литературный процесс. Многие школьники интересуются творчеством местных авторов, им важно знать, что литературные тексты создавались и создаются не только «где-то и когда-то», но – «здесь и сейчас». Некоторые же и сами сочиняют стихи или прозу, являясь участниками литературной жизни региона.

Хрестоматия открывает ученикам многочисленные грани литературного дарования писателей-кузбассовцев. Читатель найдет в книге произведения различных литературных родов и жанров, представляющие творчество разных поколений художников слова: с пятидесятых годов прошлого века до современности. Здесь и такие известные литературные патриархи, как Евгений Буравлев, Александр Волошин, Виль Рудин, и ныне работающие, известные всему Кузбассу, поэты и прозаики – Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Александр Ибрагимов, Иосиф Куралов, Андрей Правда. Большое многообразие авторов и текстов позволяет ученикам выбрать тексты на свой вкус, а учителям подобрать разнообразный материал для занятий. Алфавитный принцип расположения материала в хрестоматии представляется удачным не только из-за удобства обращения, но и в силу того, что исключает возможность выстраивания каких-либо иерархий, расстановки ненужных акцентов. Читателю предлагается своеобразная «азбука» словесного творчества родного края.

В то же время данная книга – это широкая и пестрая мозаика природной, социальной, духовной жизни нашего родного края. В стихотворениях известного березовского поэта Леонида Михайловича Гержидовича образы Барзасской тайги становятся просто физически ощутимыми:

*(...) Орех налился силой млечной,
В логах, где запахи густы,
По смородяжникам поречным
Пируют юркие дрозды.
Неугомонная кедровка
Освоила кедровый сук.
И по стволу шныряя ловко,
Вершину ищет бурундук (...)*

А вот в другом стихотворении эти же знакомые образы окрашиваются сказочно-мифологическими оттенками – так создается в сознании читателя образ *таежного рая*:

*(...) Заливались серебряно трубы,
Восклицала торжественно медь...
Дикий лось целовал меня в губы,
Улыбался по-братски медведь.*

*По-ребячьи барахтался воздух
На ладонях уснувшей кури,
И в сугробах горячи звезды
Натыкались на лыжи мои (...)*

В стихотворении Александра Ибрагимова «Таймени в Тайдоне» представлена уже иная стихия – водная, не тайга, а река. Однако чувство физической осязаемости образа то же:

*(...) Таймени, таймени – бока-облака.
Застыла в томленьи
Тайменья река (...)*

*По взбыченным спинам гуляет восторг!
Пружинящий спиннинг
Стреножил поток.*

*И режет ладони – судьба, как струна.
И солнце в Тайдоне –
Блестит, как блесна!*

Звонкие аллитерации, как речные брызги, окатывают читателя, заставляют кожей прочувствовать красоту реки, азарт рыбной ловли.

Природные образы сменяются в стихах других поэтов урбанистическими, но такими же родными, близкими и лирическому герою, и читателю, как, например, в стихотворении «Старцева грива» Валерия Зубарева:

*(...) Но дым черно-белый,
комбината Кузнецкого дым
задышал над былинкой несмелой,
замешал молодое с седым.*

*Чтобы я, со своим интересом
в электричках столичных метро
по кузнецким катаючись рельсам,
про себя усмехался хитро.*

Обращаются кузбасские авторы и к многообразию исторических событий. Так, в произведениях Виля Рудина и Владимира Мазаева затрагиваются события Великой Отечественной войны. В рассказе Владимира Мазаева «Небо раскачивалось» главный герой – представитель опасной в военное время профессии почтальона. Он словно бы вестник Судьбы: с его приходом в дом приходят или радость и надежда, или неизбежное горе. Впрочем, в конце рассказа героя объединяет со всеми общая радость – Победа. Текст Виля Рудина («Память горькая, память светлая») передает нам историю девочки из Белостока, потерявшей родителей, воспитанной во время войны польской семьей и все же нашедшей свою мать...

Поэзия и проза, собранная в хрестоматии, представляет не только разные стороны жизни земли Кузнецкой, но и различные художественные мировоззрения, взгляды на действительность. Так, в уже отмеченных ранних стихотворениях Александра Ибраги-

мова привлекает внимание шестидесятническая «громкость» поэтической речи, установка на публичность слова, раскатистость и полетность голоса в сочетании с подкупающей откровенностью. Автор, недвусмысленно напоминая о Евтушенко, Вознесенском и других титанах поэзии 60-х, смело соединяет далекие понятия, большие и малые, обыденные и мифологические, пространственные и временные образы:

*Первоклассники, первоклашки –
Точно новенькие промокашки! (...)
(«Первое сентября»)*

*В небе солнце! солнце! солнце!
Словно рыжий папуас (...)
(«В небе солнце! солнце! солнце!..»)*

*Мы нервы, как леску,
Швыряем в века (...)
И режет ладони – судьба, как струна (...)
(«Таймени в Тайдоне»)*

Лирический герой Ибрагимова – по-детски искренний, с голосом иногда надрывным, словно ломающимся, и в то же время серьезно размышляющий об истине и лжи:

*У нас предлоги, как подлоги,
Мы ловко лжем, причину скрыв,
И опускаем, как подлодку,
На дно души святой порыв (...),
о поэзии и правде:
Мы поэты – мистификаторы!
Мы выдумываем людей,
Разогнав себя по экскаватору,
Как пращу в орбитах идей (...),*

*об уходящем навсегда детстве:
Уходит детство от мужчин,
Уходит с Дедами Морозами,
Уходит с вафельным мороженым,
Уходит, как мы ни кричим (...).*

Думается, чувства и проблемы, тревожащие героев ибрагимовских стихотворений, будут просты и понятны юному читателю начала XXI в. так же, как и читателю-шестидесятилетнику. Юность в поэзии Ибрагимова – не столько возраст, временем ограниченный период, сколько состояние, отраженное в формах мировоззрения и речи, категория не только временная, но, я бы сказал, интонационная.

В стихотворениях Владимира Иванова звучат иные – идиллические, есенинско-рубцовские – интонации. Поэт внимательно вслушивается в язык природного мира, который разворачивается перед ним, как книга:

*Как токует оглохший глухарь
И кукушка как славно кукует! . .
Даже самый толковый словарь
Так толково про мир не толкует! (...)*

Главные персонажи в поэтическом мире Иванова – ветер, ручей, река, яблони, журавли, лось, глухарь – все они живут своей жизнью, многообразной и значительной, и

в то же время прочно, иногда трагически, переплетенной с жизнью и чувствами человека. Так, в стихотворении «Желание» герой чувствует острую необходимость слияния, физического сращения с «плотью» мироздания:

*Судьбу свою вывалить в глине,
В зеленой измазать траве
И сердцем срастись с сердцевиной (...),
И вдаль простираться полями
И спелые зерна ронять (...),
Да слиться судьбой воедино
Мне с миром высоких чудес,
Где вышит крестом журавлиным
Застиранный ситец небес!*

Древнее тождество поэта-демиурга и вселенной оживает в этих строках! И тут же: проникновенное стихотворение, обращенное к любимой женщине, в котором возвышенное просвечивает сквозь бытовые подробности:

*Вот вернулась ты с работы.
У тебя усталый вид.
И лицо твоё
Заботы
Дня минувшего хранит (...)
Вновь лицо твоё согрето
Тайным и глубинным светом,
И, меня сводя с ума,
Светит женственность сама!*

Образы природного, деревенского бытия являются краеугольными камнями художественных «строений» большинства авторов хрестоматии, как поэтов, так и прозаиков: Виктора Арнаутова, Виктора Баянова, Анатолия Иленко, Виктора Коврижных, Валерия Козлова, Виктора Чугунова и др.

Читая представленные в книге рассказы, я обратил внимание, что во многих из них основной мотив – возвращение домой (в родную деревню, город), к родным корням, истокам, в мир детства, наконец. Михаил – герой рассказа Константина Акатнова «Паровоз», возвращаясь на малую родину, в свой «поселок городского типа», никак не может привыкнуть к происшедшим там изменениям и, прежде всего, к огромному паровозу в парке железнодорожников. Этот паровоз – чужеродное тело в мире его детских воспоминаний, от которого необходимо избавиться любой ценой. Но для Сашки – сына Михаила – паровоз – часть *его*, Сашкиного, детства. В финале рассказа – намек на примирение двух мировоззрений: детского и взрослого, обращенного в прошлое и открытого будущему.

В рассказе Виктора Арнаутова «На подергушку» главный герой во время командировки заезжает в свою деревню, на малую родину, и почти сразу же, не передохнув, отправляется на зимнюю рыбалку. События настоящего перемежаются в рассказе с воспоминаниями о рыбалке в далеком детстве, когда рыбы подо льдом было так много, что можно было ее выхватывать из воды голыми руками: «*Прямо под нами, не боясь ни нашего шума, ни самих нас, спокойно стояла, едва передвигаясь, рыба. Косячками, штук по восемь-десять, красноперо пошевеливали воду темнопинные силуэты*». А теперь в реке почти совсем не осталось – «*Ушла куда рыба, или пораспугал? Нет, не сезон, видать, март месяц...*» – да и сама река Николка, некогда, в далеком детстве героя, широкая и полная рыбы, стала «совсем мелководной». Однако в конце рассказа неожиданно

и сказочно для самого героя словно бы оживает изобильный и радостный мир детства в сцене фантастической рыбалки: «*Что это, мираж, мерещится? Я зажмуриваюсь, пальцами давлю на веки, прикрывающие глаза. Открываю... Вода шевелится от... рыбы!*». Рассказчик и сам сомневается «*а была ли та рыбалка, не приснилась ли сладким сном, не напридумывал ли я это все своим горячим воображением? . . .*». Эта, похожая на сон, рыбалка для героя как возвращение в детство, причащение его живительным силам.

Трогательно «умаленные» образы утраченного детства, невозвратимого, но бесконечно ценного, читатель может встретить и в лирике кузбасских авторов. Так, главный «персонаж» одного из стихотворений Бориса Бурмистрова – «состарившаяся» улочка, где прошло детство лирического героя:

*Вот и состарилась улочка тихая,
Где мое детство прошло.
Часики летние тикали, тикали –
Время травой поросло (...)*

*Что же друзья, расплескаем по кружечкам
Памяти нашей вино...
Вот и состарилась тихая улочка –
Тихо в округе давно.*

А в стихотворении Виктора Баянова «*Изба моя, приветь меня...*» на первом плане вечный символ Дома – одухотворенный, почти очеловеченный образ избы, куда лирический герой возвращается уже повзрослевшим:

*Изба моя, приветь меня,
Побалуй давней лаской отчей.
Погрей у своего огня,
Чем бог послал, меня попотчуй (...).*

Еще один символ детства – Бумажный Змей, запускаемый мальчишками в небо в стихотворении Геннадия Юрова. Но одновременно это и символ свободы, полета, достижимости Неба:

*Мальчишки! Пускайте Бумажного Змея!
Чтоб верилось вам, чтоб сбывалось и пелось
У самой черты, за которою – зрелость!*

Мальчишки! Пускайте Бумажного Змея!

Так в прозе и поэзии кузбасских писателей затрагиваются со всей художественной убедительностью животрепещущие проблемы прошлого и настоящего: конфликт поколений, война, разрушение красоты, черствость человеческой души, но также воспеваются важнейшие ценности человеческой жизни – красота природы родного края, гармония искусства и человеческих отношений, чистота детства, надежность домашнего очага. Ценностные ориентиры, намеченные еще русской классикой, актуальны и для кузбасской литературы. Можно с уверенностью сказать, что изучение творчества кузбасских авторов в школе гармонично дополняет постижение классических шедевров.

К сожалению, формат статьи не позволяет в равной степени отдать должное всем авторам, чьи произведения были включены в хрестоматию. Очевиден и тот факт, что многие заслуживающие внимания писатели просто в силу ограниченного объема книги оказались «за бортом» издания. Равно как и целые литературные роды – так, например, драматические произведения в хрестоматию не включены. Также мне бы лично хотелось,

чтобы на страницах хрестоматии более широко было представлено творчество совсем молодых авторов – старших товарищей предполагаемых читателей книги.

Впрочем, при всех имеющихся вопросах и пожеланиях, опыт создания хрестоматии писателей Кузбасса стоит признать успешным и заслуживающим продолжения.